

САМОДЕЛЬНЫЕ САНКИ

Владимир Герасимов

gerasimovvladimir@gmail.com

Рисунок Виктора Богорада

Когда это было?

Это можно вычислить. Из Польши мы вернулись в 1946 году, в начале весны. Мне как раз исполнилось 4 года. Сохранилась фотография (см. байку «Детское противоречие», <http://www.trizminsk.org/e/20150322.htm>). Деревня Холопичи на Волыни. В памяти сохранилось много всякого. Летом – локомотивы на краю деревни, санитарки в пилотках на площади, самогонный аппарат в сарае у хозяина дома, выбитый молочный зуб, отрубленный палец, который дедушка сумел спасти, ветряк с трещоткой, немецкий станок для выравнивания гвоздей, ремонт пробитой камеры у колеса автомобиля и т.д. Осенью – поездка с тетей, когда нас долго не хотели брать проезжающие военные машины. Помог высокий офицер в промокшей плащ-палатке. Он пустил очередь из автомата по колесам одной машины, а следующая сразу же остановилась. Зимой я увидел, как лопнул тяжелый чугунный шар, внутрь которого налили воды и положили на ночь на подоконник снаружи дома.

Весной 1947 года мы разъехались. Отец с мамой в деревню, названия которой не помню. Там в школе требовался преподаватель математики. Дедушка, бабушка и мы с тетей – в другую, с неблагозвучным названием «Могильное». (Через несколько лет название поменяли на «Октябрьское». Это если по-русски. На украинском языке село называлось «Жовтнэвэ»). Вроде бы, правильно, если не знать, что русское слово «могила» в украинском языке имеет два значения – и «могила», и «курган». Т.е. при корректном переводе можно было спокойно сохранить красивое историческое название села – «Курганное». Но я отвлекся.

Летом я познакомился и подружился с моим сверстником Виталиком. Жил он неподалеку, через два дома. Иногда он приходил ко мне, но чаще я бегал к нему, там обычно собиралась целая толпа ребят, кто-то постарше, кто-то моложе. Осенью я долго болел, до первых морозов. Значит, история с санками была в начале зимы 1947 года. Мне исполнилось пять с половиной лет.

«Сырое яичко»

Больше месяца я видел улицу только через окно. Потом стекла покрыли красивые морозные узоры, сквозь которые ничего не было видно. Я начал просить выпустить меня погулять. После долгих переговоров тетя Лида и бабушка Настя разрешили выйти на улицу. Но выдвинули встречные условия. Я был одет как Чиполлино. Куча одежек, стеганые валенки (их тетя пошила на швейной машине). Галоши, шапка-ушанка, теплый шарф. Передвигаться было трудно, но иначе было нельзя, я мог опять простудиться. Бабушка говорила: «Тебя нужно беречь как сырое яичко». Помню, что приходилось глотать серый порошок из картонной коробки с надписью «ПАСК». (Это противотуберкулезное средство, я на всякий случай сейчас

проверил на Google). Тетя сама дополнительно делала какое-то снадобье, которое нужно было принимать утром и вечером столовой ложкой. Может быть, этим можно объяснить то, что Виталик ко мне ни разу не зашел.

Уже подростком я, дурак, сказал тете, что так часто болел, потому что меня берегли и кутали. А вот, когда я после 4-го класса стал жить у мамы с папой, то болеть перестал. Мама разрешала ходить босиком и купаться в озере. Тетя очень обиделась и объяснила, что я окреп именно потому, что меня берегли. Хватило ума с ней не спорить.

Первые шаги в новый мир

Ночью выпал первый снег. Прошлогодний я не помнил, поэтому все вокруг было как в сказке. Снег лежал везде – на земле, на кустах, на поленнице дров. Он был легким и пушистым. Если топнуть ногой, он разлетался во все стороны. А когда идешь, слышно было хруст, такой же как когда грызешь кочерыжку кочана капусты. На следах четко пропечатывался рельеф от подошвы новых резиновых галош. (Они внутри были выстелены мягкой малиновой тканью и приятно пахли). Я сейчас красиво напишу – это похоже на первые шаги Армстронга на Луне, там только следы были в пыли.

Резко поменялся сад между домом и лугом, который отделял нашу улицу от соседней. Луг был широкий, в несколько сотен метров. В сухую погоду по тропинке наискосок можно было пройти к крошечной лавке, где продавали тюльку из бочки и твердые вкусные коричневые пряники. Тетя иногда брала меня с собой.

Осенью, когда шли дожди, на лугу стояла вода. Густая листва на деревьях и кустах закрывала луг. Но сейчас листья опали, и сад просвечивался насквозь. Там происходило что-то непонятное. Во-первых, было слышно многоголосый шум. Во-вторых, я увидел то, чего быть не могло. Мой сверстник, стоя с поднятыми руками, быстро перемещался слева направо. Не бежал, а вроде бы, летел. Потом за ним этот фокус повторил другой, потом третий. Я двинулся к этому месту.

Выяснилось, что вода на лугу замерзла. Пацаны смахнули снег, получилась длинная гладкая скользкая дорожка. На украинском – «ковзанка», на русском языке – «каток». Если хорошо разбежаться, можно долго скользить. Со стороны выглядит, как будто летишь над самой землей. Целая орава мальчишек крутилась вокруг этой дорожки, шум стоял, как на птичьем базаре. Ребята постарше проезжали несколько десятков метров, малышня, как правило, летела кубарем. Я тоже попробовал, но сразу же свалился. Кто-то, кто разбежался сразу за мной, довольно сильно приложил меня в бок. Кататься нужно было уметь.

Игрушечные санки

Тут появился мой друг Виталик. Он сидел на корточках на крошечных саночках, которые с криками тащила группа ребят постарше. Сейчас я бы сказал, что саночки были произведением искусства. Сделал их мастер-краснодеревщик. Изящная игрушка, покрытая блестящим лаком. Глаз не отвести, ничего красивее я тогда не видел. Попробую изобразить, но это будет только бледная тень на тогдашние.

Конечно, я попросил: «Дай покататься». Но Виталик, сидя на корточках и придерживаясь руками за поручни, сказал: «Кататься можно только мне». Потом добавил: «А то санки сломаются». Сейчас я думаю, ему родители это втолковали. Я предложил: «Давай, я тебя покатаю». Но он отказал: «Ты бегаешь медленно, а я люблю быстро». Кто-то из пацанов схватил веревку и они исчезли с глаз.

Постепенно я понял, как это обидно. До слез, которые уже висели в глазах. Но плакать мне было нельзя, мгновенно прилипнет кличка. Самая мягкая будет «плакса», или еще хуже – «девчонка». Я повернулся и ушел. Друг, называется. Я здесь, у дедушки прожил еще долго, до двенадцать лет, но с Виталиком мы больше не пересекались.

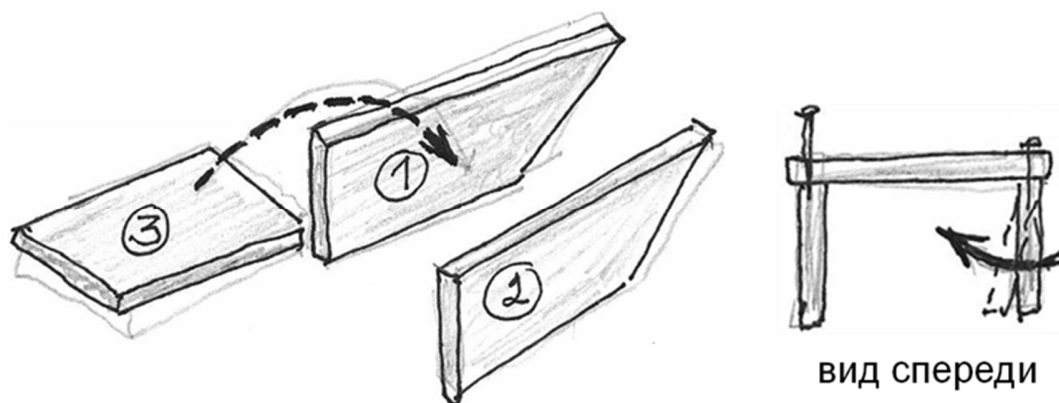
Первый блин

Дома саночки не отпускали. Дедушка разрешал пользоваться молотком и пилой-ножовкой. В железной коробке лежали гнутые ржавые гвозди. Я выбрал обрезок доски, всякие обломки и старое хламье лежали в углу веранды. Это осталось от прежних хозяев, у взрослых руки не дошли, чтобы убрать. Время было

послевоенное, на первом месте было как обогреться и прокормиться. Может быть, я расскажу позже об этом времени, но это будет другая история. Доску я распилил на три части. Из первых двух должны были получиться полозья, а из третьей «сидушка».

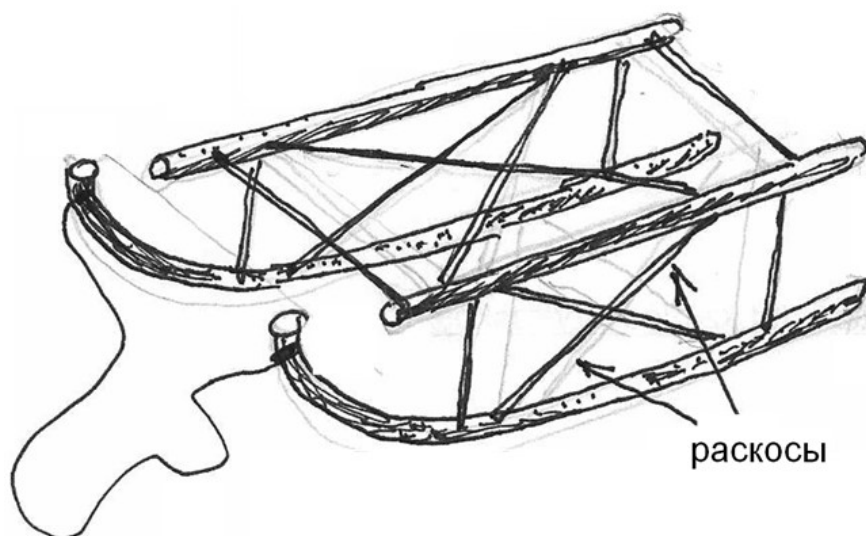
Пилить было трудно, ножовка совсем тупая и ржавая. Но это можно было пережить. Проблема вылезла позже, когда я хотел прибить 3-тью часть к первым двум. Кривые гвозди не удавалось выпрямить как следует. Держали они плохо, при небольшом нажиме боковой полоз прогнулся. Стало ясно, что при попытке сесть на санки, они развалятся.

Санки с раскосами

От невеселых раздумий отвлекла тетя, позвав обедать. Обычно ей приходилось меня уговаривать, но в этот раз было не так. После обеда я опять вышел на улицу. Перед домом находились две крохотные грядки. На одной летом росла фасоль. Она вилась вокруг высоких палок. Кроме того, ее вьющиеся стебли были подвязаны веревкой к палкам. На второй грядке когда-то росли подсолнухи (укр. - «соняшныкы»). Сейчас из земли торчали только черные сухие стебли с загнутыми дугой верхушками. В голове шевельнулась мысль. Моя собственная, или пришедшая откуда-то со стороны – я не знаю. Я вернулся домой, взял на кухне нож с острым концом, и опять вышел. К счастью, никто не повстречался, тетя и бабушка с ножом меня не пустили бы. Деда, который за меня мог вступить, дома не было.

Дальше помню как-то неотчетливо. Я срезал несколько стеблей от бывших подсолнухов, пучок тонких вербовых прутьев, которые росли в углу сада, и начал соединять все вместе. Острым концом ножа сверлил в стебле дырочку, в которую вставлял заостренный вербовый прут. Сначала конструкция была совсем хлипкой, тогда я добавил для жесткости прутьев. Получилось вот что.

Уже в институте на курсе «Детали машин» я узнал, что эти дополнительные детали называются «раскосы». А в интернете только что прочитал: «Раскос – строительный элемент, соединяющий два узла каркаса, фермы и т. п. Раскос располагается по диагонали замкнутого контура и обеспечивает жесткость конструкции». Часть раскосов я не нарисовал, чтобы не слишком загромождать рисунок. Несколько лет назад хотел сделать реконструкцию, но не смог найти подходящих стеблей подсолнуха. Здесь, где я сейчас живу, попадались сорта, которые выглядели не так, как в детстве. Вербку я срезал с палок, на которых держалась фасоль. Конечно, на эти санки было нельзя сесть. Но их можно было возить за собой. Причем, не торопясь.

Я гулял с санками на привязи до самых сумерек. Когда проходил у проволочной ограды сада, услышал обращенные ко мне слова. Это женщина, проходившая рядом по дороге, сладким голосом произнесла: «Это кто же тебе сделал такие саночки?». Я прекрасно понял, что она знает ответ, а говорит так, чтобы сделать мне приятное. Мне было очень приятно! Возможно, я даже постучал себя рукой по груди. Но, не исключено, что это уже позже придумалось. Я гордо произнес: «Я! Это я их сделал». Эти санки перед глазами до сих пор.

Сентябрь 2025 г.